

УДК 94(470.67)

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-4-68–80

Б.Г. Алиев, А.О. Муртазаев

Политика Кайтагского уцмий Ахмед-хана во время Каспийского похода Петра I (К 300-летию Похода Петра I)

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; Россия, 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75; bagomedaliev@inbox.ru; arslit777@mail.ru

Статья посвящена политике кайтагского уцмий в период похода Петра I в Прикаспий в 1722 г. Уцмийство являлось одним из наиболее сильных и влиятельных владений Дагестана. Имея важное геополитическое и торгово-экономическое значение, занимая и часть территории плоскости, где проходила трасса, ведущая на юг и обратно, уцмийство имело большой политический вес в регионе, будучи вторым по значимости после шамхальства владением. Оно было многолюдно, экономически развито, сильно в военном плане. Такое положение Кайтагского уцмийства предопределило и отношения его с Персией, Турцией и Россией, хотя для его правителей в целом была характерна политика лавирования, и они находились под влиянием то одной страны, то другой. В статье приведены антирусские акции уцмий на всем протяжении похода Петра I в Прикаспий вплоть до 1725 г. Раскрыта активизация антирусской деятельности уцмий Ахмед-хана во время ухода русских войск в сентябре-октябре 1722 г., описаны его нападения на русские укрепления и воинские отряды, проходившие по его территории и находившиеся в укреплениях. Показана и антирусская деятельность уцмий после ухода русских войск, когда, сблизившись с Турцией, он подговаривал шамхала выступить против России.

Антирусская деятельность уцмий завершилась с приближением русских войск, идущих для его наказания. Он вступил в подданство России. Уцмий стал сильнее, он расширил свое владение и влияние на другие территории Дагестана.

Ключевые слова: *Кайтаг, уцмий Ахмед-хан, Петр I, Россия, Султан-Махмуд, шамхал Адиль-Гирей, Дауд-бек, Сурхай-хан.*

Введение

Кайтаг и Кайтагское уцмийство – это неравнозначные названия. Кайтаг – это нижняя часть Кайтагского уцмийства, населенная собственно кайтагами, кумыками и терекемейцами. В Кайтагском уцмийстве кроме собственно Кайтага были и союзы сельских общин даргинцев – Муйра, Гапш и Ганк, входившие в прошлом в состав «царства» Ул-Карах. Все они и составляли Кайтагское уцмийство – одно из самых влиятельных и значимых политических структур Дагестана. На юге и западе уцмийство граничило с Дербентским владением и Табасараном, на севере – с Тарковским шамхальством, на востоке омывалось Каспийским морем. Эта большая территория в масштабах Дагестана «простиралась на 300 верст» [1, с. 21]. Об этой территории с указанием границ, различных горных хребтов, рек и площади в разное время писали майор Д.И. Тихонов [2, с. 125–126], комендант Кизлярской крепости А.И. Ахвердов [3, с. 215] и др.

Авторы различных работ отмечали многолюдность Кайтагского уцмийства. Так, в 1796 г. участник Персидского похода Т.И. Дренякин [4, таблица], а вслед за ним и другие авторы – П.Г. Бутков [5, с. 210], С.М. Броневский [6, с. 314], И. Клапрот

[7, с. 10], М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг [8, с. 309] отмечали, что в уцмийстве имелось 25 тыс. дворов, а число жителей доходило до 75 тыс.

Именно выгодное географическое положение Кайтагского уцмийства, обширная территория, многолюдность и развитое хозяйство делали его сильным и влиятельным владением вплоть до XIX в. Об этом можно судить по характеристикам, которые давали уцмийству и его владельцу различные политические деятели и источники. Так, по словам Терского воеводы Н. Вельяминова, кабардинский князь Сунчалей говорил ему в 1618 г., что уцмий Рустем-хан «в горах человек первой и людьми силен, никому не служит, ни турецкому султану, ни персидскому шаху, ни крымскому хану, никому не дает подати, он человек «гордой»... Перед ним Тарковский владетель Гирей вместе с братом стоят на коленках» [9, с. 61–65]. Сунчалей говорил воеводе, что уцмий не даст ему аманатов в Терский городок, т. к. владение его находится «в крепких местах». Уцмий был «владелец сильной и славной», «здесь, кроме него, никто силы такой не имеет», – писал посланник в Персию астраханского губернатора А.П. Волинского в 1718 г. лейтенант А.И. Лопухин [10, с. 11].

Кайтагское уцмийство по значимости было вторым после шамхальства владением Дагестана. Майор И.-Г. Гербера, долгие годы собиравший материалы о народах и политических структурах на Кавказе, писал в 1728 г.: «Усмей после шамхала всегда знатнейший у здешних народов был и ныне еще в великом почтении» [11, с. 83]. Об этом же писал офицер русской армии Я.М. Маркович, отметивший, что шамхал был командиром, а уцмий – вице-командиром [12, с. 180–181]. Подтверждаются эти высказывания архивным источником [13, с. 39] и разными авторами досоветского [14, с. 49] и советского периодов [15, с. 121].

Кайтагские уцмий вели активную политику и в Дагестане, и на Кавказе в целом, участвуя активно в событиях, которые происходили в разное время и в различных местах.

Конечно, на такое влиятельное владение не могли не обращать внимание при проведении своей политики в Дагестане великие державы того времени – Турция, Иран и Россия. Каждая из этих стран стремилась привлечь на свою сторону Кайтаг. И в таких условиях уцмий выбирал сторону той страны, которая предоставляла ему больше выгод.

В конце XVI – начале XVII в. Кайтаг осуществлял военно-политическое сотрудничество с Ираном. Но уже во втором десятилетии XVII в. уцмий Рустам-хан ищет сближения с Россией, хотя переговоры, происходившие с русскими властями на Кавказе несколько раз, не были результативны. Уцмийство и при шахе Сефи оставалось под влиянием Ирана. Планы шаха строить крепости уцмий, как и другие владельцы, воспринял отрицательно. Поэтому Рустам-хан опять повернулся к России. В 1632 г. он был принят в русское подданство [9, с. 95]. В 1634 г. уцмий подтвердил свое подданство России [9, с. 123–125].

Сближение с Россией Кайтага, конечно, ухудшило отношения с Ираном, чем воспользовалась Турция, которая привлекла уцмий на свою сторону против Ирана. Планы шаха Сефи I построить сеть крепостей в Дагестане, в том числе в Кайтаге, еще больше оттолкнули уцмий от Ирана, т. к. это была серьезная угроза независимости [40, с. 29]. В 1642 г. Сефи I даже собирался послать в Кайтаг войско. Шах Аббас II продолжил политику Сефи I и в 1645 г. стал открыто вмешиваться во внутренние дела Кайтага, используя при этом борьбу за власть между янгикентской и маджалисской линиями уцмиевского рода. В этой борьбе за власть с помощью войск шаха уцмием стал племянник Рустам-хана Амирхан-Султан. В 1646 г. они помирились, и Кайтаг стал иметь

двух уцмиев – Рустам-хана в Кала-Корейше и Амир-Султана в Башлы. Несмотря на то, что последний был ставленником Ирана, он вступил в подданство России. В 1651 г. он участвовал в походе войск Аббаса II в Сунженский городок [9, с. 180–188].

Политика шаха Аббаса II по полному подчинению Дагестана привела в конце 50-х годов XVII в. к всеобщему восстанию в Дагестане. Кайтаг стал центром восстания. После подавления восстания Кайтаг опять попал под влияние Ирана. Но уцмий вели самостоятельную политику, что, естественно, не нравилось шаху. В 1684 г. был совершен поход персидских войск в Кайтаг и Табасаран. Видимо, шах не достиг своей цели, и в 1689 г. был совершен еще один поход в Кайтаг.

Конец XVII – начало XVIII в. для Кайтагского уцмийства характеризуются междоусобной борьбой между различными ветвями рода уцмиев. Около 1711 г. уцмием стал Ахмед-хан, сын Улубия (младший сын Рустам-хана). Ахмед-хан проводил независимую от Ирана и других стран политику. Несмотря на это Иран сделал ставку на Ахмед-хана в противовес шамхалу, чья династия в Дагестане была первенствующей. Иран желал ослабления власти шамхала. Но уцмий не был сторонником Ирана. Напротив, он стал одним из активных участников борьбы против колониальной политики Ирана в 1707–1721 гг.

Шамхал был союзником шаха и даже угрожал Ахмед-хану совершить поход на Кайтаг, если он не прекратит свое участие в борьбе горцев против шахского Ирана. Кульминацией восстания против шахского Ирана явилось взятие 21 августа 1721 г. Шемахи и разграбление русских купцов, грабеж города, в которых участвовали и кайтагцы. Примечателен и поход в апреле 1722 г., организованный Ахмад-ханом с участием и других владетелей Дагестана в Ардебиль.

Ослаблением Ирана в результате восстания начала XVIII в. решила воспользоваться Турция, желая вытеснить его с Кавказа и усилить здесь свое влияние. Это обеспокоило Россию, и было решено совершить поход, используя для этого инцидент с русскими купцами в Шемахе в 1721 г. Это известие совпало с завершением Ардебильского похода.

Усиление шамхала уцмий принимал ревностно. Он сам хотел быть первым среди других. Поэтому, как писал на основе источников Р.М. Магомедов, «уцмий и шамхал враждовали между собой» [16, с. 234]. И естественно, так как шамхал придерживался русской ориентации, уцмий был против России. Это противостояние шамхалу и предопределило отношение уцмий к походу Петра I. Надо полагать, что уцмий опасался угроз Петра I, что русские войска идут только для «отмщения» обиды захватившим Шемаху «лезгинским бунтовщикам» и для «получения достойной сатисфакции» [17, л. 412]. Поэтому уцмий, как и Дауд-бек и Сурхай, отрицательно отнеслись к манифесту Петра I к жителям прикаспийских областей. Более того, по свидетельству выходца из Грузии Ф. Георгиева, бывшего в то время в Губдене, эти трое владетеля намерены были собраться около селения для нападения на войска Петра I. На допросе Ф. Георгиев 17 августа 1722 г. показал, что жители Губдена в мечети «после отправления моления говорили меж себя, что Дауд-бек, усмей и Сурхай намерены по сю или по ту сторону деревни собраться против войск его императорского величества биться и согласились де о том, что с ними был за одно и Адиль-Гирей шамхал, но он де Адиль-Гирей, с ними в том согласитца не хотел» [9, с. 255].

О планах указанных владетелей доносил 31 июля 1722 г. Петру I лейтенант А.И. Лопухин. Он писал, что у уцмий с Адиль-Гиреем «дело не согласно, хотя явной ссоры не было, однако же тайно один одному делают вред» и «всех горских жителей

собирают к себе Дауд-бек и Сурхай ради войны против войск русских и сказывают, что уже их съезжается к Дауд-беку немало». Дауд-бек и уцмий Ахмед-хан были в Шемахи. Уцмий оттуда отправлял к себе «много тамошних товаров и всякого пожитку», награбленных во время нападения на Шемаху 21 июня 1721 г. [18, с. 34].

Уцмий Кайтага использовал против шамхала свое стратегическое положение. На юг можно было попасть только через его территорию, чего не мог сделать шамхал без разрешения уцмий. Это хорошо видно в ответе шамхала на письмо Петра I, предписывающего шамхалу, как союзнику, «обеспечить исправную доставку почты и продвижение в сторону Дербента» [16, с. 234]. В ответном письме Петру I от 12 августа 1722 г. шамхал жаловался: указ «за трудным проездом от кайтагского народа отправить мне невозможно, потому что они неприятели» [19, л. 32; 16, с. 234].

Первые противодействия уцмий приходу русских войск в Дагестан начались во время продвижения их через территорию утамышского султана Махмуда. Продвигаясь на юг, войска Петра I 18 августа, пройдя Бойнакское владение, прибыли на место, где смыкались земли Утамышского султанства и Кайтагского уцмийства [20, с. 90]. Как отмечал дагестанский ученый Г.-Э. Алкадари, Утамыш не подчинялся Кайтагскому уцмий. Более того, правитель его Султан Махмуд собрал из своего владения («из тех мест») и соседних владений и обществ «до шести тысяч войск, приготовился сразиться» с петровскими войсками [21, с. 56].

Посланные к султану офицер с тремя казаками были убиты и с «16 тысячами как своего, так и кайтагского войска, которое имел в готовности», Султан Махмуд напал на лагерь [22, с. 128] русских. Бой произошел «в урочище Кучюк-Изваре при речке Индже» [23, с. 25]. Во главе дагестанцев стояли Мегди-бег, Якши-бег и Айдемир-бег [23, с. 25]. Они потерпели поражение. Русская конница преследовала дагестанцев «три мили до города Отемьш, и этот город имевший 500 семейств, вместе с шестью другими деревнями был ограблен и сожжен. 15 тыс. голов овец и другого рогатого скота досталось в добычу победителю» [22, с. 128]. По сведениям П.Г. Буткова, в качестве добычи было взято 7 тыс. быков и до 4 тыс. баранов [23, с. 25]. По сообщению участника похода Петра I 1722 г. П.Г. Брюса, дагестанцы потеряли в сражении при речке Инчхе от 600 до 700 человек убитыми, 40 горцев попали в плен, среди которых были «несколько саванников» и местный мусульманский кадий, являвшийся одним из руководителей горцев. Из взятых в плен 21 человек был повешен, а кадий четвертован [24, с. 35].

Об этих событиях и последствиях для дагестанцев Петр I 30 августа в письме Сенату писал: 19 августа Султан Махмуд внезапно атаковал русские войска, после чего были посланы войска и совершен «контрвизит» на их «жилища» и «для увеселения их» сожгли их села («сделали изо всего его владения фейерверк, для утешения им»). Были сожжены центр владения Утамыш с его 500 дворами и 6 сел. Число горцев, выступивших против русских, доходило до 10 тыс. Это были не только утамышцы, но и горцы других владений Дагестана, и их потери составили около 600 человек, а русские потеряли всего 5 драгунов и 7 казаков [18, с. 40–41].

Интересно проследить поведение уцмий, который практически толкнул Султан Махмуда на выступление против петровских войск. Р.М. Магомедов писал, что султан Утамыш имел 5 тыс. человек, и уцмий должен был выставить столько же, для чего он семью и «пожитки... свои вывез в горы в деревню Кала-Корейш» [25, л. 68; 16, с. 236].

Петр I писал в Сенат, что из 10 тыс. войска не все были из владения султана. И действительно, уцмий привлек к участию в поход против русских верхнедаргинцев (акушинцев, гапшиминцев и др.), кубачинцев, губденцев, лакцев и даже табасаранцев

[26, л. 211, 231; 27, л. 21–22]. Но «в самый последний момент уцмий, толкнув на авантюру султана, сам остался в стороне, решив испытать возможные варианты исхода поединка» [16, с. 234]. Причину этого Р.М. Магомедов видел в отказе Сурхая «против войск его величества бороться» [16, с. 234; 25, л. 68], хотя все участники шемахинских событий договорились о совместном выступлении на петровские войска.

Будучи рассудительным, анализируя сложившуюся обстановку, уцмий продумывал каждый свой поступок, каждый шаг и теперь в результате разгрома утамышского султана, плохих отношений с шамхалом, невозможности противостоять Петру I уцмий, учитывая чрезмерное укрепление шамхала и доверительное отношение к нему со стороны России, «попытался сам войти в доверие к русскому правительству и с помощью России вести борьбу с шамхалом». В качестве сближения с Россией он решил прибегнуть к аманатству (заложничеству). Уже 23 августа (через 4 дня после разгрома Султан Махмуда) уцмий послал Петру I прошение о принятии его на «царскую службу». Причем в прошении он писал: «Господь бог свидетель, что ... в здешних краях раба вернее меня не имеется» [18, л. 37–38; 28, л. 122].

Но старания уцмий были тщетны, он «успешных результатов добиться не смог. Шамхал успел к этому времени завоевать достаточно крепкое доверие к себе со стороны России. Уцмий почувствовал это довольно поздно» [16, с. 237]. Этим воспользовалась Турция, которая искала опору в лице недовольных политикой России и обиженных ею. Как писал Р.М. Магомедов, «активизация Турции толкнула уцмий, Хаджи-Дауда и других к враждебным действиям против русских гарнизонов» [29, с. 78]. Еще когда Петр I был в Дербенте, Дауд-бек, Ахмед-хан и Сурхай напали на табасаранского владельца Рустема за то, что он не воевал вместе с ними против русских. 30 августа он сообщал Петру I, что они «неприятельским образом напали, город мой сожгли» и ни от кого мне не было помощи [9, с. 253–254; 30, л. 2; 16, с. 237].

Уцмий не мог не воспользоваться трудностями, которые возникли в русской армии, – во время шторма было разбито 13 судов с мукой и кормами, а 17 судов застряли в Аграханском заливе (при урочище Учо), начался падеж лошадей и многие солдаты заболели.

Петр I обратился к горским владетелям за помощью, но безуспешно. Обратился Петр I и к уцмию. Позже он писал в своем дневнике: 27 августа «послан был поручик Карцев к уцмию для спросу: (при)будет ли он в обоз (лагерь. – *Авт.*) и даст ли что обещал? Поручик Карцев возвратился и объявил, что уцмий в старых лабиринтах пребывает (т. е. ведет себя уклончиво, как и прежде. – *Авт.*)» [29, с. 75]. Этого и следовало ждать. Такое поведение Уцмий Ахмед-хан было характерно для него. В таких условиях Петр I вынужден был прервать поход на юг, и 6 сентября его армия двинулась в Астрахань. Как пишет И.В. Курукин, отход русских войск «стал сигналом для всех недовольных появлением русских и показал, как быстро может меняться ситуация на Кавказе, где только что горские предводители «все вели смирно» и демонстрировали приютность» [31, с. 71].

Уцмий Ахмед-хан «оценил ситуацию по-своему» [29, с. 79]. 100-тысячная армия Петра I при отходе растянулась на многие километры, и Ахмед-хан стал нападать на войска, в особенности на тех, которые отставали от основной части и это, конечно, сказывалось на их боеспособности. Уже 12 сентября люди уцмий и султана Утамышы напали у реки Малого Извара на оставшихся позади армии людей во время прохождения армии Петра I по территории Кайтага и Утамышы [23, с. 32]. Как писал П.Г. Брюс, когда они дошли до укрепления барона Р., оставили там для защиты 100 солдат и

200 казаков. Сюда пришел и посланец из Дербента, который сообщил, что уцмий и Султан Махмуд набрали до 20000 человек и задумали напасть на русских вечером. Поэтому они всю «холодную ночь и до другого дня оставались под ружьем, боясь, что неприятель нападет на них. Так продолжалось несколько суток, их постоянно сопровождали дагестанцы, и они измотались без сна и отдыха, не имея возможности разбить палатки и развести огонь. «Вследствие всего описанного офицеры и общество от беспрерывных походов, бессонных ночей и холода так устали, что наша армия сделалась совсем слабою к службе» [24, л. 56].

Уцмий стал нападать и на построенные Петром I укрепления и гарнизоны. 20 сентября комендант Дербента Андрей Юнгер доложил, что войска Хаджи-Дауда, уцмий Кайтага, Сурхая Казикумухского и утамышского Махмуда захватили русский редут на реке Орта-Буган (в 60 верстах от Дербента) и убили караульных. Из 128 солдат и 6 казаков спаслись только трое [31, с. 71; 32, с. 12]. Причем, как отмечено в начале донесения, этот «транжамент между Дербентом и Тарками... от неприятеля» был «штурмован по 3 дня, а 14 сентября ... взят, и люди караульные от неприятеля побиты, и оной транжамент ныне пуст, а брали оной транжамент ... Сурхаевы и Салтан Мамутовы люди». В донесении отмечено, что дагестанцев было 15 тыс., из которых было убито и ранено 400 человек. Говорится в этом донесении и о том, что 19 сентября «нападение неприятельское было сильное, что уже и во рву наших побито многих» [32, с. 12].

Шамхал 23 октября 1722 г. писал Петру I, что после ухода русских войск «злодей и изменник усмей, сего сентября в 17 день со своим войском напал на новопроектированную от вас в Кайтаге фортецию (укрепление в среднем русле дельты Уллучая [29, с. 75]), человек с 15 побили, и пушки, отобрав, с собой увез» [9, с. 268; 17, с. 436].

Нападение на русские укрепления не прекращались. После нападения на указанную крепость в Кайтаге, происходит нападение уцмий, Султана Утамышы, Дауд-бека вместе с жителями Табасарана на крепость у реки Рубас. Нападение было отбито, но в укреплении обвалилась стена, и гарнизон пришлось вывести в Дербент [33]. 19 и 21 сентября горцы штурмовали «траншамент». Уцмий и султан Махмуд напали и на арьергард под Буйнакском, о чем сообщал генерал-лейтенант Кропотов [31, с. 72].

Петр I, конечно, не мог оставить уцмий и его сторонников безнаказанными. Он собрал огромную силу для наказания уцмий. Согласно посланию Петра I в Сенат, к 1000 казакам в кр. Святого Креста присоединилось 4 тыс. калмыков, и во главе с атаманом донских казаков Краснощокковым [34, с. 45; 22, с. 128] эта армада в конце октября 1722 г. была отправлена «во владение Гамры» [22, с. 128], т. е. «на жилища усмий и отемышского Магмута; дабы, – как писал П.Г. Бутков, – отомстить за их упорство» [23, с. 34].

Владения уцмий и султана были подвергнуты страшному разорению и ограблению, был устроен настоящий погром сел. По словам П.Г. Буткова, было разорено все, что от августовского погрома оставалось, «много порублено, 350 человек пленено и 11 т. рогатого скота получен в добычу, кроме других знатных вещей казакам доставшихся» [23, с. 34]. Это была огромная добыча для русской армии. Как писал А.-К. Бакиханов, ограбив и опустошив эту страну, Краснощокков «возвратился в кр. Святого Креста, забрав с собой пленных и скот» [22, с. 128]. Все это, по словам П.Г. Буткова, было наказанием за то, что 12 сентября 1722 г. было совершено нападение у реки Малый Извар на «оставшихся позади армии людей» во время ухода петровских войск из Дербента по территории Кайтага и Утамышы [22, с. 32].

Однако ни эта жестокая военная акция, ни новые угрозы не остановили антирусской деятельности уцмий. Отношения уцмий с Россией были испорчены до того, что Петр I не хотел иметь его своим подданным. И не без основания в инструкции, посланной Петром I в ноябре 1722 г. генералу Матюшкину, предписывалось принимать в русское подданство обращающихся с такой просьбой всех горских владельцев, кроме Кайтагского уцмий и Утамышского султана «как нам противных» и рекомендовалось драгунам и казакам, «как только возможно, разорять» их и других противников России [34, с. 595–596].

Особенно часто уцмий Ахмед-хан нападал на Дербент, разоряя город и близлежащие села. В октябре 1722 г. он вместе с Дауд-беком атаковал город с двух сторон. И после ухода Дауд-бека вплоть до ноября сжигал поля, сады и огороды жителей Дербента, и этим еще более усугубил их положение. Поэтому Петр I вынужден был в ноябре 1722 г. дать указание генералу Матюшкину «помогать дербентцам в их нуждах, прикрывая их полевые работы» [34, с. 596], что последнему давалось нелегко.

17 ноября сын уцмий Кайтагского «подъехав к Дербенту, побил на пашне дербентских жителей до смерти 4 человек, да ранили двух, да в полон взяли 2» [32, с. 21].

В результате таких действий уцмий положение в Дербенте стало катастрофическим, и не без основания наиб Дербента писал Петру I, что «в съестных припасах находимся зело в скудности, понеже пашни от таких нападений (уцмий. – *Авт.*) не имеем и пребываем всегда взаперти» [9, с. 270]. Это писал наиб Дербента 24 октября Петру I, а 31 января 1723 г. он опять сообщил Петру I о нападении Дауда и уцмий. Дауд остановился в местечке Джоглане (Джалгане), а уцмий – в местечке Сабун-Абате. Дербентцы дали бой войскам обоих и убили по несколько человек, после чего Дауд «стал в урочище Карасу, а усмей... с правой стороны, где были... сады», которые сожгли. Уцмий 28 дней был здесь, а потом оба ушли. Наиб сообщал также, что в ноябре 1722 г. из Нарынкала были посланы против дагестанцев более 600 человек, и они отогнали 3 стада (700 голов) овец, убили 8 человек и «четыре головы к нам привезли» в том числе была одна голова племянника уцмий [9, с. 277–278; 31, с. 115].

В это время отношения уцмий испортились и с Дауд-беком, и с Сурхай-ханом. Последний, согласно сообщению дербентского коменданта А.Т. Юнгера генералу М.А. Матюшкину, даже собирался разорить уцмийские села в отместку за нападение на Дербент. Сурхай писал А.Т. Юнгеру, что «ныне де у усмея з Дауд-беком есть ссора, а мы де в Кура, Куба и Кулаган заедино и хотим усмея из ево владения выгнать, и деревнями ево владеть, также и с шамхалом ныне мы заедино и в самой дружбе» [32, с. 24–25].

Сурхай-хан все это затеял, решив так улучшить отношения с Россией, опираясь на которую, хотел получить Ширван, владельцем которого Турция поставила Дауд-бека. Он полагал, что Россия будет довольна, если он отойдет от уцмий – первого среди них противника русских.

Не улучшились отношения уцмий и с шамхалом – его постоянным соперником за первенство и самым близким к России владельцем.

Но дагестанские владельцы забыли о своих обидах и противоречиях в новых геополитических реалиях, когда в середине 1723 г. развернулось турецкое наступление в Закавказье и приступили к разделу Ширвана, куда были отправлены с войсками сыновья шамхала Адиль-Гирея и уцмий Ахмед-хана. По сообщению наива Дербента Имам-Кули-бека Петру I, последние остановились в урочище Худат «для некоторых разговоров... и ширванскую провинцию между собой разделили. Было решено закрепить за

шамхалом Шемаху и Баку, за Дауд-беком – Мюскюр и Шабран, за уцмием – Кубу и Калхан, а Дербент – за табасаранским майсумом» [35, л. 256; 28, л. 154; 9, с. 281].

Планы противников России были большие. Они намеревались напасть на новую крепость Святой Крест, построенную на территории шамхальства Тарковского. Об этом, в частности, извещал комендант Дербента полковник А.Т. Юнгер астраханского губернатора А.П. Волинского. Он писал, что с уцмием Ахмед-ханом, Дауд-беком и другими горскими народами должен соединиться крымский султан Бахтыгирей, и они намерены идти на крепость Святого Креста [37, с. 66].

А 15 июня в донесении Чопан-шамхала генерал-лейтенанту Г.С. Кропотову говорилось, что «тарковской Адиль-Гирей шавхал соединился с Даудбеком, усмеем и Сурхаем... хотят идти войною на новопостроенные крепости, в чьи де между себя и души дали, и так между собою говорили, что войско российское пришло сюда не по добро, лутче де нам собрався всю учинить на них войну... а шемхала де Адиль-Гирея сын, да сын усмея посланы в Шемаху для того, что бы турецкое войско привести сюда» [26, л. 338; 17; 9, с. 281]. Причем выступление намечалось после уборки урожая, после чего предполагалось ждать прихода генерала Кропотова или, объединившись, идти на него.

Будучи рассудительным и осторожным политиком, уцмий Ахмед-хан понимал свою ответственность за антирусские действия. Поэтому он, опасаясь русских и решив предотвратить возможное повторное нападение русских войск на свое владение, стал вести переговоры о вступлении в российское подданство. И в то же время русские власти получили известия о готовящемся крупном военном походе на Грузию и Армению. Тавлинцы и усмийцы и прочие владельцы пошли де на грузинцев и армян. Дагестанцы надеялись, что «когда де тех грузинцев и армян они искореняет ... своим... войском ... можно все за одно будем де бить на войска великороссийское» [26, л. 378].

Переговоры с русскими властями о вступлении в подданство России уцмий затягивал под разными предлогами. Обращение уцмий о вступлении в российское подданство было еще 23 декабря 1723 г. [9, с. 298]. Конечно, Ахмед-хан понимал, что, став в подданным России, он потеряет самостоятельность. Поэтому он и не торопился с присягой на верность России. И он не ошибся – в это время русские войска высадились в Баку, Сальянах и Реште; был подписан русско-иранский договор, согласно которому Россия получала владения Ирана к западу и югу от Каспийского моря; в 1723 г. было турецкое наступление в Закавказье, а 12 июня 1724 г. был подписан Константинопольский договор, согласно которому в зону влияния России вошли земли в районе Дербента [36, с. 303–309].

Все это, конечно, учел Ахмед-хан и, возможно, думал, выступив открыто вместе с шамхалом и другими владельцами Дагестана против России, что сохранит свою самостоятельность. Но он решил сделать это чужими руками – он обещал поддержать выступление шамхала Адиль-Гирея», но, когда последний, набрав 30 тыс. войско горцев, выступил на крепость Святого Креста, уцмий «вновь не выполнил своего обещания и не присоединился к Адиль-Гирею, как раньше он поступил с султаном Махмудом Утамышским» [38, с. 316].

Бывший тогда в Дагестане свидетель тех событий майор И.-Г. Гербер писал: «Сей усмий Ахмед-хан человек лукавой и неглупой; он чрез свой подговор много к тому помогал, что шамхал против России збунтовал, и хотя он обязался с войском своим с шамхалом соединиться, однако ж он в то дело не вмешивался и сидел тихо, ожидая, будут ли турки по обещанию Даудбека, шамхалу в помощь; а как он увидел, что турки

то не исполнили, а российское войско на шамхала пошло, то поддался он Российской империи и присягу учинил и для того сохранен остался» [11, с. 84].

Как известно, Адиль-Гирей, на стороне которого было 30 тыс. человек, не смог взять крепость Святого Креста и по истечении определенного времени сам сдался русским, был сослан в Архангельскую губернию и там умер.

Хотя уцмий не принял участия в походе Адиль-Гирея на крепость Святого Креста, русские войска, посланные для наказания его участников, пошли и на Кайтаг. Им были известны проделки уцмий, его работа по подготовке Адиль-Гирея к выступлению на крепость Святого Креста. Конечно, уцмий, будучи разумным и в то же время хитрым политиком, когда русские войска под командованием генерала Кропотова приблизились к его владению, «под Российскую империю поддался», дав наконец, аманатов и приняв присягу на верность России. Но при этом он опять использовал сложившуюся ситуацию в своих интересах. На этот раз по отношению к Акуша-Дарго, как он раньше поступил с утамышским владетелем Султан-Махмудом и шамхалом Адиль-Гиреем. Он стал угрожать акушинцам русскими войсками, что они собираются идти на Акуша и разорить полностью владение за то, что акушинцы пришли ему на помощь, и он не сможет их поддержать, так как «он русским поддался» [41, с. 145].

На самом деле все обстояло совсем по-другому – он сам привел акушинцев к себе, когда готовился оказать помощь Адиль-Гирею в его походе на крепость Святого Креста. Причем уцмий привлек акушинцев «через подарки... чтобы ему помогали русским противиться» [11, с. 101–102]. Опасаясь похода русских войск в свои общества, акушинцы обратились к посредничеству уцмий, чтобы он защитил их «как своих подданных», за что они обещали «слушаться его» и в знак этого дали ему аманатов (заложников).

Таким образом, уцмий Ахмед-хан посредством обмана и политических уловок «акушинцев под свою власть привел». [11, с. 102].

Акушинцы в действительности пришли на помощь уцмию по его просьбе. Они находились с уцмием даже после пленения шамхала Адиль-Гирея. Согласно донесению коменданта дербентской крепости полковника А.Т. Юнгера от 3 июня 1726 г. «уцмий с тремя сыновьями стоял в Башлы, и при нем было 10 тыс. войско с 18 пушками. Султан Утамышский Махмуд с 5 тыс. человек стоял у сел. Утамыш, и по ту оборону Утамыша было «войско аварского исмея» и «акушинского кадия», у которого, как доносил А.Т. Юнгер, «в собрании» было «войско 10000». И с этими объединенными войсками Ахмед-хан-усмий был «намерен» русским войскам, находившимся у реки Инчхе, «дать битву, а в аманаты никого не дает» [39, л. 122], заключал Юнгер.

Уцмий хорошо подготовился к сражению с русскими войсками, если они пойдут на него. Хотя он и высказал желание вступить в подданство России, он не доверял русским, как, впрочем, и русские ему. Поэтому он и после обращения о подданстве непустил войска и не отправил акушинцев домой, а держал при себе, ожидая, чем все это завершится. Но он был готов и к худшему, чего, к его счастью, не случилось, т. к. и уцмийство, и шамхальство были бы разгромлены и разграблены до основания в наказание уцмий за его многолетнее противостояние России. Уцмий Ахмед-хан поддался под покровительство России только после неудачи выступления Адиль-Гирея против русских, после чего против участников этого выступления и для их наказания были посланы войска во главе с генералом Кропотовым. По словам И.-Г. Гербера, Ахмед-хан, «учинив присягу Российской империи, сохранен остался» [11, с. 84]. А по свидетельству другого участника Каспийского похода Петра I в Прикаспий, полковника

Я.А. Марковича, уцмий представил аманатов за себя и султана Утамыша Махмуда, среди которых был и малолетний сын последнего. Кроме того, уцмий присягал и отдал аманатов и за Кубачи [12, с. 189, 190]. Конкретно о подданстве Кайтагского уцмий И.-Г. Гербер писал, что он «под Российской империей с 1725 году. В оном году он с сыновьями своими и всеми старшинами от сих уездов присягу учинил и аманатов дал» [11, с. 83].

Но «диплом на уцмийство», означающий официальное признание владельческих прав Российской империей, Ахмад-хан получил только в апреле 1727 г. Конечно, это было связано с сомнениями в верности уцмий. Русские власти не забыли тех многочисленных антироссийских акций, которые были предприняты Ахмед-ханом, и его обращений о верноподданстве России, которое он не исполнял. А признание его прав на уцмийство, как полагал Р.М. Магомедов [29, с. 87], именно в 1727 г., возможно, было связано с тем, что Ахмед-хан склонил в подданство России аварского уцмий (Уммахана). Об этом писал И.-Г. Гербер: «Усмей Авар в 1727 году явился через подговор усмея, или хана хайтакского и каракайтагского, и просил о приеме и защиты Российской империи, потом и сам приехал и с несколькими знатными аварскими людьми присягу во верном подданстве учинил и доносил, что его Российской империи подданство при нуждало шастливые поступки силы и славы российского войска» [11, с. 114].

Официальная присяга уцмий Ахмед-хана на подданство Российской империи была принесена в 11 мая 1727 г. В дипломе, выданном 27 апреля 1727 г. генералом В.В. Долгоруким Ахмед-хану на уцмийское достоинство, констатировалось, что «Ахмет-хан чрез верное свое подданство, е.и.в. равным образом усердия свои службы показывать присягая обещает, того ради, по данной мне полной мочи е.и.в.... Ахмед-хан в чине и достоинстве усмейском в провинции подтверждаю с таким определением дабы ему все подчиненные должны почтение, яко, усмею, и надлежащее послушание отдавали» [18, с. 56].

На церемонии принятия присяги вместе с уцмием Ахмед-ханом присягу в верности российскому престолу дали его сыновья, а также утамышский Султан-Махмуд и брат шамхала Атачук. Присутствовали на церемонии старшины всех магалов уцмийства и их жители – всего около 4 тыс. человек [18, с. 56].

Так завершилось противостояние с Россией кайтагского уцмий – одного из сильнейших владетелей Дагестана. Особенно наглядно оно проявилось во время похода Петра I в Прикаспий в 1722 г., в результате которого изменился статус Кайтагского уцмийства – оно стало частью Российской империи. Но в целом из этого противостояния России уцмий вышел окрепшим как политический деятель. Шамхал – главный его политический противник – стал слабее, а он укрепил свое положение и стал сильнее. После отстранения Адиль-Гирея и гибели его на чужбине уцмий значительно расширил пределы своих владений. Он оказался в выигрыше и поднял свой статус как политического деятеля. Он стал сильнейшим из владетелей Дагестана и из князей Восточного Кавказа, присоединив к Уцми-Дарго ряд территорий [38, с. 317, 318]. Как писал И.-Г. Гербер, от уцмий «зависят с некоторыми договорами Мамут (Султан Махмуд Утамышский. – *Авт.*), Утямиш, Кубяша, Акуша и несколько таулинцев» (горных магалов даргинцев. – *Авт.*)» [11, с. 83]. Владение шамхала было разорено, разграблено русскими войсками. Были убиты сотни людей, конфисковано много тысяч голов скота, разрушены села и тысячи домов были сожжены.

Заключение

Весь период похода Петра I 1722 г. в Прикаспий вплоть до 1725 г. характеризовался антироссийской политикой кайтагского уцмья. Но степень накала противостояния уцмья походу и России в целом была разной в разные периоды. В начальный период противостояние ограничилось выступлением против русских войск утамышского султана, организованного уцмием Ахмед-ханом. В период обратного похода русских войск из Дербента в Астрахань антирусская политика уцмья стала более активной. Ахмед-хан часто вместе с другими антироссийски настроенными владельцами Сурхаем Казикумухским и Дауд-беком Мюшкурским нападали на русские укрепления и их гарнизоны, на отступающие отряды, убивая и изматывая их, не давая солдатам возможности отдыхать после длительных походов. Порою уцмий и его подручные наносили русской армии ощутимый ущерб. И, естественно, уцмий был серьезно наказан за антироссийские действия русскими войсками. Третий период противостояния уцмья России – это время ухода из Дагестана русских войск во главе с Петром I и подготовка выступления шамхала Адиль-Гирея против России, в чем уцмий принял деятельное участие, обещая шамхалу выступить на его стороне. Неудачным выступлением шамхала, которому уцмий не пришел на помощь, закончилось его противостояние России. Он стал подданным Российской империи.

Литература

1. Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. – СПб., 1836. Ч. 1. – 409 с.
2. Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // История география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. Арх. матер. / под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. (Далее ИГЭД). – С. 125–137.
3. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. – М., 1958. – С. 213–229.
4. Дренякин Т.И. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. – М., 1958. – С. 137–172.
5. Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. – М., 1958. – С. 209–212.
6. Броневский С.И. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823. Ч. 2. – 471 с.
7. Клапрот И. Историческая, географическая, этнографическая и политическая карта Кавказа и соседних провинций между Россией и Персией. – Париж: Лейпциг, 1827 / пер. с франц. З. Кидаловой // НА ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 26.
8. Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. – М., 1958. – С. 306–312.
9. Русско-дагестанские отношения XVII – первой половины XVIII в. Докум. и мат-лы / сост. Р.Г. Маршаев. – Махачкала, 1958. – 336 с.
10. Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. – М., 1958. – С. 6–59.
11. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. – М., 1958. – С. 60–120.
12. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. – Махачкала, 1992. – 304 с.

13. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 246.
14. Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. Ч. 2. – 134 с.
15. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. – М.: Наука, 1979. – 272 с.
16. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. – Махачкала, 1957. – 408 с.
17. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322. Л. 530.
18. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. док. / отв. ред. д. ист. н. В.Г. Гаджиев. – М.: Наука, 1988. – 357 с.
19. Российский государственный архив древних актов. Ф. Кол. ин. дел «Сношения России с Персией». Д. 17. 1722. Л. 786.
20. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний яко часть истории Государя императора Петра Великого. – СПб., 1763. – 380 с.
21. Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. – Махачкала: Юпитер, 1994. – 174 с.
22. Бакиханов А.-К. Гюлистан и-Ирам. – Баку: Элм, 1991. – 304 с.
23. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. – СПб., 1869. Ч. 1. – 548 с.
24. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58. Л. 64.
25. Российский государственный архив древних актов. Ф. Кол. ин. дел «Сношения России с Персией». Д. 24. 1722. Л. 786.
26. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560. Л. 483.
27. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 436. Л. 368.
28. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 42.
29. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. – Махачкала, 1999. Ч. 2. – 520 с.
30. Российский государственный архив древних актов. Ф. Кол. ин. дел. «Сношения России с Персией». Д. 23. 1722.
31. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1725 гг.). – М., 2010. – 381 с.
32. Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722–1735 гг.) Сбор. арх. док. / сост. Е.И. Иноземцева, Ш.А. Магарамов, Н.Д. Чекулаев. – Махачкала, 2020. – 376 с.
33. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 170.
34. Комаров В.В. Персидская война 1722–1723 гг. (материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. – М., 1867. – С. 553–616.
35. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. Л. 364.
36. Полный текст Константинопольского договора // Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. VI. № 4531.
37. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. – М.: Наука, 1991. – 221 с.
38. Муртазаев А.О. Кайтаг с древнейших времен – первая половина XIX в. Махачкала, 2022. – 446 с.

39. Сотавов Н.-П.А. Внешнеполитические отношения Дагестана со странами Востока (Турция и Иран) в первой половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1968. – 218 с.

40. Омаров А.И., Магомедов Р.М. Военно-политический аспект в истории Дербента XVII века: из историографии проблемы // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 36, вып. 1. – С. 28–35.

41. Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Майор И.-Г. Гербер о даргинцах Акуша-Дарго // Вопросы истории. 2018. № 4. – С. 143–151.

Поступила в редакцию 28 августа 2022 г.

UDC 94(470.67)

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-4-68–80

The Policy of the Kaitag Utsmiy Ahmed Khan During the Caspian Campaign of Peter I (to the 300th Anniversary of the Campaign of Peter I)

B.G. Aliyev, A.O. Murtazaev

Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Russia, 367030, Makhachkala, M. Yaragsky st., 75; bagomedaliev@inbox.ru; arslit777@mail.ru

The article is devoted to the policy of the Kaitag utsmiy during the campaign of Peter I in the Caspian region in 1722. It is noted that the utsmiyat was one of the most powerful and influential domains of Dagestan. Having an important geopolitical and trade-economic significance, occupying part of the territory of the plane where the track to the south passed, the utsmiyat had great political weight in the region, being the second most important domain after shamkhalstvo. It was populous, economically developed, strong in military terms. It is stated that such a situation of the Kaitag utsmiyat predetermined its relationship with Persia, Turkey and Russia, although its rulers were generally characterized by a policy of maneuvering, and they were influenced by one or the other of them. The article presents the anti-Russian actions of the utsmiy throughout the campaign of Peter I in the Caspian Sea, up to 1725. Anti-Russian actions of utsmiy Ahmed Khan during the withdrawal of Russian troops in September–October 1722, his attacks on Russian fortifications and military detachments located there or passing through the territory of utsmiyat. The anti-Russian activity of the utsmiy after the departure of the Russian troops is also shown, when, having become closer to Turkey, he persuaded shamkhal to act against Russia.

The anti-Russian activity of the utsmiy finished with the approach of Russian troops coming to punish him. He became a citizen of Russia. Utsmiy became stronger, he expanded his territories and influence to other regions of Dagestan.

Keywords: *Kaitag, utsmiy Ahmed Khan, Peter I, Russia, Sultan Mahmud, shamkhal Adil-Giray, Daud-bek, Surkhay Khan.*

Received 28 August 2022